

Женитьба лейтенанта Ларе. Ги де Мопассан

В самом начале кампании лейтенант Ларе отбил у пруссаков две пушки. Вручая ему почетный крест, генерал сказал: «Спасибо, лейтенант!»

Так как он был не только храбр, но и осторожен, проникателен, находчив, а также неистощим на хитрости и выдумки, то ему доверили командование сотней солдат, и лейтенант организовал отряд разведчиков, несколько раз спасавший в дни отступления всю армию.

Но, хлынув через всю границу, нашествие заливало страну, точно море, вышедшее из берегов. Огромные волны солдат следовали одна за другою, разбрасывая кругом, словно пену, шайки мародеров. Бригада генерала Карреля, отстав от своей дивизии, непрерывно отступала, ежедневно сражаясь, и если сохранилась почти в целости, то благодаря бдительности и быстроте действий лейтенанта Ларе, который, казалось, был вездесущ, разгадывал козни неприятеля, нарушал все его расчеты, вводил в заблуждение его уланов, уничтожал передовые отряды.

Однажды утром его вызвал генерал.

— Лейтенант, — сказал он, — вот депеша от генерала де Ласера. Он погибнет, если до рассвета мы не придем на помощь. Он находится в Бленвиле, в восьми лье отсюда. Отправляйтесь с наступлением ночи, возьмите три сотни солдат и расставьте их вдоль дороги. Я последую за вами через два часа. Внимательно следите за дорогой: боюсь, что мы встретим неприятеля.

Уже с неделю стоял сильный мороз. С двух часов пошел снег; к вечеру земля стала белой; густые хлопья снега покрыли все ближайшие предметы.

В шесть часов отряд выступил в путь.

Двое разведчиков шагали в трехстах метрах впереди. За ними следовал взвод из десяти человек под командой самого лейтенанта. Остальные шли следом, двумя длинными колоннами. С обоих флангов в трехстах метрах справа и слева от дороги маленький отряд прикрывало несколько солдат, шедших попарно.

Снег продолжал идти и облеплял их в сумраке. Он не таял на одежде, так что в темноте ночи солдаты почти не выделялись на однообразной белизне равнины.

Время от времени они останавливались. Тогда больше не слышно было шелеста падавшего снега, зловещего тихого шороха — скорее ощущения, чем звука. Вполголоса отдавался приказ, и, когда отряд трогался дальше, на дороге оставался белый призрак, заносимый снегом, мало-помалу делавшийся незаметным и наконец вовсе пропадавший из глаз. Это были живые вежи, которые должны были указывать путь армии.

Разведчики замедлили шаг. Что-то темнело перед ними.

— Возьмите вправо, — сказал лейтенант, — это лес Ронфи; замок находится левее.

Вскоре послышался приказ: «Стой!» Отряд остановился, ожидая лейтенанта, который в сопровождении всего десяти человек отправился к замку на рекогносцировку.

Они подвигались вперед ползком под деревьями. Вдруг все замерли. Жуткая тишина нависла над ними. Затем где-то совсем близко тонкий голосок, мелодичный и юный, нарушил лесное безмолвие.

— Отец, мы заблудимся в снегу! Нам не дойти до Бленвиля!

Более грубый голос ответил:

— Не бойся, девочка, я знаю местность, как свои пять пальцев.

Лейтенант сказал несколько слов, и четыре солдата бесшумно удалились, как тени.

Вдруг пронзительный женский крик прорезал тишину ночи, и солдаты привели двух пленников: старика и девушку. Лейтенант допросил их вполголоса.

— Ваше имя?

— Пьер Бернар.

— Кто вы такой?

— Дворецкий графа Ронфи.

— Это ваша дочь?

— Да.

— Чем она занимается?

— Белошвейка в замке.

— Куда вы идете?

— Спасаемся бегством.

— От кого?

— Сегодня вечером в замок прибыли двенадцать уланов. Они расстреляли трех сторожей и повесили садовника. Я испугался за дочь.

— Куда вы идете?

— В Бленвиль.

— Почему?

— Там французская армия.

— Вы знаете дорогу?

— Знаю.

— Очень хорошо. Следуйте за нами.

Они вернулись к колонне, и отряд снова двинулся по полям. Старик молча шел рядом с лейтенантом. Дочь брела за ним. Вдруг девушка остановилась.

— Отец, я так устала, я не могу идти дальше, — сказала она.

И она опустилась на снег, дрожа от холода, полумертвая от изнеможения. Отец попытался ее нести. Но он был слишком стар и слаб.

— Лейтенант, — сказал он со слезами, — мы вас задерживаем. Франция — прежде всего. Бросьте нас!

Офицер отдал приказание. Несколько человек отделились. Вскоре они вернулись со срезанными ветвями. В одну минуту были сооружены носилки. Вокруг них собрался весь отряд.

— Женщина умирает от холода, — сказал лейтенант. — Кто даст шинель, чтобы укрыть ее?

Двести шинелей были сброшены разом.

— Ну, а кто хочет ее нести?

Протянулись все руки. Молодая девушка была закутана в теплые солдатские шинели, бережно уложена на носилки, четыре сильных плеча подняли их. Так двинулась она вперед, словно несомая рабами царица Востока, в середине отряда, который теперь зашагал гораздо бодрее, веселее, смелее, оживившись от присутствия женщины, вдохновительницы и владычицы, по воле которой те, в ком текла старая французская кровь, совершили столько великих дел.

Через час отряд вновь остановился, и все зарылись в снег. Вдали, по равнине, двигалась большая черная тень. словно фантастическое чудовище, она вытягивалась по-змеиному, затем вдруг собиралась в комок, срывалась с места головокружительным скачком, останавливалась и вновь приходила в движение. Отданные вполголоса приказы передавались друг другу; по временам слышалось сухое металлическое шелканье. Движущаяся тень быстро приближалась, и вскоре можно было различить двенадцать уланов, скачущих галопом друг за другом, заблудившихся в ночном мраке. При вспышках выстрелов они внезапно увидели двести человек, залегших перед ними. Короткий звук залпа замер в снежном безмолвии, и все двенадцать упали вместе с лошадьми.

Выжидали долго. Затем снова пустились в путь. Старик служил проводником.

Наконец голос вдали крикнул:

— Кто идет?

Другой, более близкий голос сказал пароль.

Пришлось снова ждать, так как завязались переговоры. Снег перестал идти. Холодный ветер гнал тучи, и над ними, высоко вверху, сверкали бесчисленные звезды. Потом они померкли, и небо на востоке заалело.

Штабной офицер явился принять отряд. Когда он спросил, кого несут на носилках, на них что-то зашевелилось, две маленькие ручки раздвинули грубые синие шинели, и появилось нежное лицо, розовое, как заря. Глаза блестели ярче только что погасших звезд, улыбка была лучезарней зародившегося дня. Звонкий голосок произнес:

— Это я, сударь.

Солдаты, вне себя от радости, захлопали в ладоши и торжественно отнесли молодую девушку в самую середину лагеря, где разбирали ружья. Вскоре появился генерал Каррель. В девять часов пруссаки атаковали. К полудню им пришлось отступить.

Вечером, когда лейтенант Ларе, разбитый усталостью, дремал на вязанке соломы, за ним прислали от генерала. Лейтенант нашел его в палатке: генерал разговаривал с тем самым стариком, которого они встретили ночью. Лишь только лейтенант вошел, генерал взял его за руку и сказал, обращаясь к своему собеседнику:

— Дорогой граф, вот молодой человек, о котором вы мне только что говорили; это один из лучших моих офицеров.

Он улыбнулся и, понизив голос, добавил:

— Самый лучший.

Затем, обернувшись к ошеломленному лейтенанту, генерал представил ему графа де Ронфи-Кедиссака.

Старик взял его за обе руки.

— Дорогой лейтенант, — сказал он, — вы спасли жизнь моей дочери, и у меня только одно средство отблагодарить вас... Приезжайте к нам через несколько месяцев... если она вам понравилась...

Ровно через год, день в день, в церкви св. Фомы Аквинского капитан Ларе обвенчался с мадмуазель Луизой-Гортензией-Женевьевой де Ронфи-Кедиссак.

Она принесла ему шестьсот тысяч франков приданого и была, говорят, самой красивой из всех невест, венчавшихся в том году.

Примечания

Напечатано впервые в еженедельном журнале «Мозаика» 25 мая 1878 года. Это первый вариант темы, развернутой затем Мопассаном в новелле «Взгляды полковника».